УДК 94(47)«17»

Т. Плат

Внутренняя или внешняя колонизация? Цели и средства торговой политики России в XVIII в.[1]

Санкт-Петербург — Ливерпуль России? Хотя эти два города весьма отличны один от другого и вряд ли их можно сравнивать, но для настоящего исследования, а именно для понимания экономического развития России в XVIII в. это сравнение Карла Маркса представляет интерес[2]. Хорошо известно, что Петр I основал город именно здесь с тем, чтобы получить доступ к Балтийскому морю, но в то же время и для того чтобы построить в этом месте основной российский внешнеторговый порт[3]. Эта особенность Санкт-Петербурга как российского порта с научной точки зрения на первый взгляд представляется не столь важной в сравнении с его политическим значением новой столицы и менее весомой, если иметь в виду его позднейшее культурное значение. Поэтому и приведенное марксово сравнение Петербурга с Ливерпулем кое-кому покажется едва ли приемлемым. Но всё же, даже притом что культурное и политическое значение в предпринятых ранее исследованиях большей частью оставляет в стороне экономическое значение столицы, известно, что изначально Петр основал этот город как ведущий порт России и даже долго после его смерти преемники

[1] Научная редакция перевода статьи осуществлена С. Н. Искюлем.

[2] *Marx K.* Die Geschichte der Geheimdiplomatie des 18. Jahrhunderts. Über den asiatischen Ursprung der russischen Despotie. Berlin, 1977. S. 93.

[3] *Гидион М.* Санкт-Петербург как внешнеторговый центр в 1725–1763 гг. М., 2008; *Покровский В.* Значение Санкт-Петербурга во внешней торговле. СПб., 1899.

> Петра преследовали в сущности те же цели[4]. Это имело огромное значение не только для самого города, но также стало экономической основой для впечатляющих успехов России в области внешней политики. Петр пытался установить торговые связи с Западом, в первую очередь для того чтобы иметь возможность финансировать свои честолюбивые внешнеполитические цели и связанные с ними военные предприятия[5].

Таким образом, внешняя торговля России сыграла важную роль в конечном успехе российской политики на протяжении XVIII в., но в то же время она была вовлечена в глобальные экономические процессы, которые находились под влиянием растущих экономических связей с Европой[6]. В этом контексте автор данной статьи подробно останавливается на рассмотрении двух вопросов: во-первых, какую роль сыграл экономический рост России в мировой торговой системе, и во-вторых, каким образом российское правительство достигало своих целей, другими словами, какой торговой концепции оно следовало?

С одной стороны, история российской внешней торговли как таковой достаточно широко исследована, но с другой — можно сказать, что историографическая ситуация в целом является весьма многоликой и далеко не в полной мере изученной. К этому присоединяется и тот факт, что достижения советской историографии, несмотря на очевидное тщательное исследование источников[7], за некоторым исключением почти не используются в трудах западных исследователей[8]. Кроме того, вопрос о торговле, как уже упоминалось выше, в современной историографии отошел на второй план, и, следовательно, существующие исследования отличаются немалой историографической разобщенностью.

Не в последнюю очередь сказанное относится и к трудам, опубликованным в XVIII в., когда только-только начинают появляться первые исследования хозяйственного развития России. Но эти работы были написаны не историками, а появились вследствие возраставшего интереса со стороны государства к эффективному экономическому управлению, что и обнаружило потребность в исследовательских проектах и таким образом способствовало развитию эконо-

[4] *Hoffmann P.* Sankt Petersburg. Stadt und Hafen im 18. Jahrhundert. Berlin, 2003.

[5] *Шейнин Л.* Петербург и российский меркантилизм. Эпоха Петра I. М., 1997. С. 18; *Jones R.* Why St. Petersburg? // Hughes, Lindsey (ed.). Peter and the West. New perspectives. Basingstoke, 2001. P. 189–205.

[6] *Burbank J., Cooper F.* Empires in World History. Power and the politics of Difference. Princeton, 2010. P. 149–155; *Israel J.* Dutch Primacy in World Trade: 1585–1740. Oxford, 1989.

[7] См., например: *Репин Н.* Внешняя торговля и социально экономическое развитие России в XVIII в. Омск, 1989; *Некрасов Г.* Внешняя торговля России через Ревельский порт в 1721–1756 гг. М., 1984.

[8] См., например: *Kahan A.* The plow, the hammer, and the knout. An economic history of eighteenth-century Russia. Chicago, 1985.

мических дисциплин[9]. Предлагаемое исследование дает возможность изучить различные изменения в концепциях управления торговой политикой России, что до сих пор представляется актуальным[10].

Концепция колонизации в историографии[11]

Если судить о торговой и внешнеторговой политике России в глобальном политическом контексте, этот процесс можно охарактеризовать в основном как успешное и равноценное участие в мировой торговле. Но при этом очевидно, что в то время Россия являлась не единственной страной с таким уровнем развития, с другой же стороны, эта эпоха мировой торговли может быть названа своего рода эпохой первой глобализации[12]. Движущей силой этого явления стало создание колониальной системы, в которой Европа представляла собой центральное звено. Наиболее важной особенностью этой колониальной системы представляется иерархия отношений между центром и периферией[13]. Поэтому, задаваясь вопросом о роли России в мировой торговой системе этой эпохи, необходимо иметь в виду и неизбежный вопрос о позиции России в системе колонизации, исходящей из Европы.

В этом контексте соединение двух историографических концепций, которые до сих пор были совершенно обособлены друг от друга, может оказаться весьма плодотворным.

С одной стороны, в советских исследованиях распространена характеристика российской внешней торговли как полуколониальной, имея в виду ее зависимость от Англии, поскольку экономическое влияние Англии в России было в то время действительно велико, чего отнюдь нельзя сказать о ее политическом влиянии[14]. С другой стороны, обращает на себя внимание актуальный тезис российско-американского исследователя Александра Эткинда, который склоняется к концепции внутренней колонизации России[15]. Эткинд исходит

[9] См. например: *Посошков И.* Книга о скудости и богатстве. М., 1951; *Чулков М.* Историческое описание российской коммерции. СПб., 1780–1888; *Storch H. v.* Historisch-Statistisches Gemälde des Russischen Reiches. Riga, 1797–1803.

[10] См.: *Цвейнерт Ё.* История экономической мысли в России, 1805–1905. М., 2008.

[11] В качестве введения в изучение темы: *Cooper F.* Colonialism in Question. Theory, Knowledge, History. Berkeley, 2005.

[12] *Osterhammel J.* Geschichte der Globalisierung. Dimensionen, Prozesse, Epochen. München, 2006. S. 28, 46.

[13] *Osterhammel J.* Op. cit. S. 36.

[14] Самые известные представители этого направления — Б. Кафенгауз и С. Покровский и др.: *Кафенгауз Б.* Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. (По материалам внутренних таможен). М., 1958; *Покровский С.* Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947; *Репин Н.* Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVIII в. Омск, 1989.

[15] *Etkind A.* Internal Colonization. Russia's Imperial Experience. Malden, 2012.

из того, что в социальном и культурном плане российские элиты, естественно, не воспринимали крестьян как равных себе и поэтому относились к ним как к своего рода «колонизированным». В дальнейшем я не стану этого касаться, поскольку в этом аспекте вызывает интерес другое положение, ставшее частью его исследований, где он также указывает на экономическую эксплуатацию, особенно в Сибири, чьи природные ресурсы имеют огромное значение для экономической колонизации Азиатской части России[16]. Оба подхода в совокупности подводят к вопросу о том, что в одно и то же время Россия, возможно, находилась в своего рода колониальной зависимости от Великобритании, притом что сама в то же время являлась опять-таки своего рода колониальной державой. Решающей для ответа на этот вопрос, на наш взгляд, является характеристика иерархии в концепции колонизации. Для определения места России в иерархической колониальной системе в данной статье рассматриваются цели и средства проведения торговой политики российских правителей XVIII в.

Цели и средства торговой политики при Петре Великом

На существование тесной взаимосвязи между стремлением получить доступ к Балтийскому морю и основанием Санкт-Петербурга как торгового порта, а также обеспечением финансирования экспансионистской внешней политики уже указывалось выше. Что касается иерархии торговых отношений, то Россия находилась в парадоксальной ситуации. С одной стороны, Петр стремился к прямому и тесному контакту с западными купцами, чему явным свидетельством является основание города Санкт-Петербурга, где развитие торговли особенно поддерживалось[17]. Также были приняты и другие меры, способствовавшие установлению прямого контакта с Западом. Например, первое судно, которое еще в 1703 г. пришло в новый порт Санкт-Петербург из Нидерландов, получило 500 ефимков премии и обещание обширных льгот и привилегий, которые распространялись и на все будущие визиты этого корабля в Петербург[18]. В целом русское правительство стремилось, чтобы положение иностранцев в России было исполнено всевозможных достоинств. Солидное жалование должно было привлечь зарубежных экспертов для разработки в России дальнейших торговых проектов[19]. С другой стороны, цель Петра состояла в том, чтобы заинтересовать инициативами торговой политики самих русских и с самого

[16] Ibid. P. 72–92.

[17] *Репин Н.* Указ. соч. С. 20.

[18] Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2. СПб., 1889. С. 563. См.: *Кротов П.* Петербургский порт при Петре I // Феномен Петербурга. Труды второй международной конференции, состоявшейся 27–30 ноября 2000 года во Всероссийском музее А. С. Пушкина. СПб., 2001. С. 423–433. С. 424.

[19] *Спиридова Е.* Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. М., 1952. С. 217.

начала сделать их независимыми от деятельности иностранного купечества[20]. С этой целью сыновья русских купцов были посланы за рубеж, в основном в Голландию, чтобы они освоили там купеческие профессии и привезли обретенные знания на родину. С аналогичной целью ряд торговых представителей был направлен в различные портовые города Европы, чтобы представлять российские интересы там и таким образом в первую очередь способствовать реализации одной из ключевых внешнеторговых задач России, а именно — созданию российского торгового флота[21]. Для достижения этой цели русские купцы получили особые налоговые льготы, что должно было привести к оживлению их деятельности на международном рынке[22]. Однако эти попытки оказались неудачными, так как впоследствии принятым мерам не хватало последовательности для их успешного осуществления. Например, сразу после смерти Петра его цель, продиктованная желанием основать российский торговый флот, в правительственной политике была полностью забыта[23]. Однако более важным в этом смысле представляется уже упомянутая двойственность в отношении к превосходству западных торговых держав во главе с Нидерландами и Англией[24]. Парадоксально, что наряду с поиском контактов в торговой сфере существовала и поддерживалась изоляция, особенно заметная по отношению к Англии, несмотря на заключение между Россией и Великобританией в 1734 г. важнейшего торгового соглашения, которое закрепило господствующее положение Англии в торговле России. Англичане получили ряд привилегий, которые поставили их в выгодное положение по сравнению с конкурировавшими с ними купцами из Нидерландов и северной Германии[25].

Договор 1734 г. указывает на два аспекта, которые характеризовали торговую политику России в первой половине XVIII в. Во-первых, здесь обнаруживается четкая иерархическая структура торговых отношений между Великобританией и Россией. Если Петр I еще пытался вести российскую внешнюю торговлю на условиях равноправия с западными странами, то этот договор очевидно установил господствующее положение Англии и односторонние привилегии английских купцов не только в ущерб другим западным торговым партнерам, но также и в ущерб русским купцам, что и получило свое отражение, как

[20] *Покровский С.* Указ. соч. С. 80; *Kahan A.* Op. cit. P. 166.

[21] *Некрасов Г.* Внешняя торговля России через Ревельский порт в 1721–1756 гг. М., 1984. С. 57.

[22] Полное собрание законов российской империи (ПСЗ). Собрание первое. VI, 3672; ПСЗ, VIII, 5733; *Посошков И.* Указ. соч. С. 120–121.

[23] *Kahan A.* Op. cit. P. 236.

[24] *Зарахов В.* Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М., 2005. С. 72; *Hartley J.* War and the Merchants. The Great Northern War (1700–1721) // Bartlett R., Lehmann-Carli G. (ed.). Eighteenth-century Russia. Society, culture, economy: papers from the VII International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia. Berlin, London, 2007. С. 485–498.

[25] *Кулишер И.* Очерк истории русской торговли. Пг., 1923. С. 196–200; *Reading D.* The Anglo-Russian Commercial Treaty of 1734. New Haven, 1938.

уже и упоминалось, в концепции полуколонии, сформулированной в советской историографии[26]. Не в последнюю очередь это относится и к самому характеру товарообмена. Номенклатура обмена в соответствии с договором лишний раз была подтверждена, и характер обмена оставался весьма односторонним. В то время как в Англию Россия отправляла в основном «сырые» продукты и сельскохозяйственные товары, в другом направлении так называемые «naval stores» привозили предметы роскоши и прочую готовую продукцию. России этот товарный дисбаланс не наносил вреда, поскольку одновременно он сопровождался дисбалансом количества товара. Сальдо торгового баланса России на протяжении всего XVIII в. было в полной мере положительным и, по крайней мере в этом отношении, оправдало меркантильное представление о желательности преобладания экспорта над импортом[27].

Во-вторых, русско-английский договор указывает на определенное сходство торговой политики России и Англии в первой половине XVIII в., а именно в том, что касается активного вмешательства государства в торговые отношения. Ибо договор 1734 г. в значительной степени находился под влиянием таможенно-тарифных регулирований, которые были предназначены правительством России для управления торговой политикой в первой половине XVIII столетия. Так, итогом договора было не только доминирование Англии на российском рынке по сравнению с другими западными конкурентами, но также и точное регулирование торговых потоков отдельных товаров. В соответствии с меркантилистской теорией, торговая политика должна была контролировать и управлять импортом и экспортом специфических товаров[28]. Средством регулирования стало учреждение под названием Коммерц-коллегия, основанное в 1715 г. Петром I[29].

Цели и средства торговой политики в конце XVIII в.

Торговая политика России во второй половине XVIII в. определяется в основном Екатериной II и характеризуется последовательной преемственностью, а также известными переменами по отношению к первой половине века[30]. Преемственно сохранялись такие цели российской торговой политики, как достижение положительного сальдо торгового баланса и преодоление западного превосходства во внешней торговле и не в последнюю очередь — создание соб-

[26] *Kaplan H.* Russian Overseas Commerce with Great Britain during the Reign of Catherine the Second. Philadelphia, 1995. P. 7.

[27] *Покровский С.* Указ. соч. С. 74; *Hoffmann P.* Op. cit. P. 150–157.

[28] *Шейнин Л.* Указ. соч. С. 18–30.

[29] *Пузырев В.* Под флагом России. История зарождения и развития морского торгового флота. М., 1995. С. 83–86.

[30] *Покровский С.* Указ. соч. С. 11.

ственного торгового флота через поддержку русских купцов, которая выражалась в отправке сыновей русских купцов за рубеж для обучения теории и практике ведения коммерческих дел[31]. Кроме того, концентрация торговых потоков в направлении столицы империи является одним из постоянных условий российской торговой политики в XVIII в.[32] Значительные различия первой и второй половины века в этой связи имели место не в достижении целей российской торговой политики, а в методах, использовавшихся для достижения этих целей. Этот процесс может быть описан как развитие на основах меркантилизма, что характеризовалось государственным контролем экономики в условиях свободной торговли и в соответствии с идеями так называемой политической экономии, выдвинутой Адамом Смитом, который, впрочем, более доверял саморегулированию рыночной силы. В частности, это развитие особенно заметно применительно к тарифной политике России, где всё больше и больше проявляется либерализация. Эта тенденция началась еще до Екатерины II. Уже первый послепетровский таможенный тариф 1731 г. в общем характеризовался определенным снижением пошлин, и в то же время введением более сложных тарифов на отдельные предметы. Правда, следующий тариф, принятый в 1757 г., вновь увеличил пошлины[33], но к этому по крайне мере можно добавить, что императрица Елизавета в 1753 г. отменила внутренние тарифы, в то время как внешнеторговые тарифы повышались[34].

Не случайно именно тогда, в эпоху царствования Екатерины II, когда распространялись идеи либерализма, известный историк и литератор Михаил Дмитриевич Чулков писал: «Торговля есть дочь вольности»[35]. Между прочим, некоторые авторы даже считают, что Екатерина II вводила своего рода фритредерство в России[36]. С этим можно спорить, но во всяком случае тенденция в этом направлении заметна. В 1782 г. были отменены таможенные границы в прибалтийских губерниях[37], и надо сказать, что эта эпоха вообще была отмечена значительным сокращением пошлин на импорт и экспорт[38]. Кроме того, и запрет отдельным русским дворянам заниматься приобретением монополий на некоторые товары, который имел место в середине века, также относится к этому сюжету[39].

[31] *Кулишер И.* Указ. соч. С. 227; *Зарахов В.* Указ. соч. С. 79.

[32] *Jones R.* Bread upon the Waters. The St. Petersburg Grain Trade and the Russian Economy, 1703–1811. Pittsburgh, 2013. P. 207.

[33] *Покровский С.* Указ. соч. С. 97.

[34] *Кулишер И.* Указ. соч. С. 235.

[35] Цит. по: *Кулишер И.* Указ. соч. С. 232.

[36] *Петров О.* Становление таможенной политики России. СПб., 2003. С. 6; *Гидион М.* Указ. соч. С. 22.

[37] *Кулишер И.* Указ. соч. С. 236.

[38] *Козлова Н.* Российский абсолютизм и купечество в XVIII веке. М., 1999. С. 300.

[39] *Покровский С.* Указ. соч. С. 108.

Вызваны эти перемены были углублением научных исследований о функциях и механизмах торговли, которые, как уже говорилось ранее, нашли свое отражение в трудах знаменитого Адама Смита, на которого в полной мере полагался ряд русских ученых. В дополнение к тем, кого в области изучения первоначал экономических наук объединяла Петербургская Академия наук и к которым принадлежали первые за пределами России известные экономисты Генрих фон Шторх и Кристиан фон Шлецер[40], существовало еще и Вольное экономическое общество, являвшееся рупором всех прогрессивных тенденций в области торговой политики[41]. Так как большинство членов этого общества выступали за отмену крепостного права в интересах экономики, их влияние в области торговли было ограничено, что стало очевидно в рамках общей дискуссии по вопросу о запрете экспорта зерна. Екатерина II выступила в защиту такого запрета вопреки мнению Общества, полагая, что это единственный способ прокормить население, особенно в Санкт-Петербурге, так как только таким образом можно спасти население от вымирания[42].

Говоря о российской торговой политике в XVIII в., нельзя упускать из виду те процессы, которые оказывали свое влияние в этом контексте при завершении столетия и впоследствии. Вероятно, итогом следует считать завершение царствования Екатерины II в его политических и экономических аспектах. В политическом плане надо иметь в виду, что конец царствования императрицы совпал с целой эпохой революции во Франции, что оказало свое влияние на торговые отношения России. Это время характеризовалось тем, что таможенная политика проводилась Екатериной II под знаком политической борьбы против Франции[43]. Однако здесь нельзя не учитывать и того, что еще до этой эпохи Россия энергично проводила политику вооруженного нейтралитета, осуществлявшуюся Екатериной II в 1779–1783 гг., а ее сын в последние годы своего царствования делал первые шаги к тому, что впоследствии нашло свое отражение в политике Континентальной блокады. Экономические причины проводившейся таможенной политики в конце екатерининского царствования состоят, во-первых, в том, что после захвата берега Черного моря и основания там новых портов российская торговая политика в целом переориентировалась в направлении юга[44].

[40] *Peters M., Winkelmann D.* Netzwerk aus Kalkül. Die Karriere August Ludwig Schlözers in St. Petersburg // Dahlmann D. (hrsg.) Die Kenntnis Rußlands im deutschsprachigen Raum im 18. Jahrhundert. Wissenschaft und Publizistik über das Russische Reich. Göttingen, 2006. S. 125–138; *McGrew R.* Dilemmas of Development: Baron Heinrich Friedrich Storch (1766–1835) on the Growth of Imperial Russia // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1976. Vol. 24 (1). P. 31–71; *Dmitriev A.* Heinrich von Storchs Werk aus russischer Sicht // Rieter H. Deutsche und russische Ökonomen. S. 71–99.

[41] *Leckey C.* Patrons of Enlightenment. The Free Economic Society in Eighteenth-Century Russia. Newark, 2011.

[42] *Jones R.* Op. cit. P. 187.

[43] *Пузырев В.* Указ. соч. С. 61; *Kahan A.* Op. cit. P. 240.

[44] *Кулишер И.* Указ. соч. С. 209–212.

Во-вторых, таможенная политика вообще в конце царствования Екатерины II вновь осуществлялась в направлении протекционизма — ориентировалась на то, чтобы сохранять контроль над торговой политикой[45]. Но в итоге такое направление политики не возымело успеха. С 1793 г. деятельность Екатерины в сфере внешней торговли обусловливалась ощутимым ухудшением торгового баланса в предшествующие годы[46]. Эти особенности тогдашней торговой политики совпадали по времени с реакцией во внутренней политике императрицы.

От меркантилизма к фритредерству?

Если в итоге сопоставить цели торговой политики с ее достижениями, и сравнить соответствующие используемые и проверенные методы, то приходится констатировать, что чем слабее применялись средства, тем успешнее оказывались результаты. Парадоксально, но факт. Это особенно заметно, если учесть положительный торговый баланс, а также концентрацию торговых потоков в Санкт-Петербурге, доминирование которого после исчезновения таможенных барьеров еще более усилилось[47]. Однако цель, заключающаяся в основании русского торгового флота, достигнута так и не была ни путем меркантильных мер государственной поддержки, ни даже путем проведения либеральной и свободной торговой политики. Основную причину этой неудачи можно найти, скорее всего, в контрасте между быстрым экономическим ростом и территориальным расширением России с одной стороны, и парализующей стагнацией социального развития в XVIII в. с другой. Вопрос, почему имело место такое развитие событий, во многом связан с вопросом, сформулированным в начале данного сообщения, а именно, была ли Россия в XVIII в. колонией или же все-таки колониальной державой.

В течение всего столетия российское правительство вынуждено было признавать, что преодолеть господство англичан невозможно, а идеи свободного рынка могли убедить, что с большей либерализацией торговли страна могла бы получить немалые доходы, но тем не менее английские купцы почти полностью доминировали во внешней торговле России в конце века, т. е. несмотря на политические успехи Россия в европейской торговле занимала крайне зависимое положение, а крупное русское купечество не чувствовало особой потребности освободиться от иностранных помочей и завести прямую торговлю с Европой[48]. В то же время русская автократия сохранила политическое господство внутри

[45] *Фирсов Н.* Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II. Очерки из истории торговой политики. Казань, 1902. С. 339.

[46] *Фирсов Н.* Указ. соч. С. 339.

[47] *Пузырев В.* Указ. соч. С. 67; *Munro G.* The Most Intentional City. St. Petersburg in the Reign of Catherine the Great. Madison, 2012. P. 180–182.

[48] *Фирсов Н.* Указ. соч. С. 333, 343.

страны путем союза с дворянством и участия в прибыли от торговли с Западом. Тем не менее такое положение дел привело к указанной социальной стагнации. Сюда же следует отнести и тот факт, что, к примеру, задуманное Петром укрепление положения российского купечества, которое потребовало бы наделения купцов политическими правами, не состоялось[49].

Как живописал современник конца елизаветинского царствования: «Грустно истинному патриоту видеть эту массу торговцев, почти не имеющих собственного капитала и стригущих наш народ, отнимая барыш, который по справедливости принадлежал бы нам, если бы мы могли выйти из своего летаргического сна и работать для собственного блага»[50].

Поскольку этого не произошло, внутренние ресурсы должны были быть употреблены на удовлетворение внешнего спроса, что в свою очередь привело к внутренней колонизации, экономической эксплуатации и к укреплению внутренних культурных различий между дворянством и крестьянами, описанных Эткиндом[51]. Резюмируя всё вышеизложенное, можно сказать, что с экономической точки зрения Россия имела такие черты, которые делали ее до некоторой степени похожей на колонию, но с политической же и культурной точки зрения — скорее на, так сказать, внутренне-колониальную державу. Это сочетание условий являлось с точки зрения экономики краткосрочно выгодным ввиду развития хозяйственных связей с Западом. Это явление с полным правом может восприниматься как цена, которую периферия платит за успешную интеграцию в экономическую систему[52]. Однако в долгосрочной перспективе этот механизм приводил к невыгодному положению вовне и опасному внутри. Снаружи России так и не удалось достигнуть полноценного участия в мировой торговле из-за отсутствия поддержки правительством русских купцов. Внутри социальная стагнация и отказ разрешить участие в политической жизни широкой массе населения являлось долгосрочной угрозой для российской политической элиты. Поражение в Крымской войне представляется первым очевидным для многих признаком этой невыгодной для России ситуации.

References

Eighteenth-Century Russia: Society, Culture, Economy. Papers from the VII International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Wittenberg 2004 / Ed. by Roger Bartlett and Gabriela Lehmann-Carli. Münster: LIT-Verlag, 2007.

Etkind A. Internal Colonization. Russia's Imperial Experience. Malden, 2012.

Firsov N. Pravitel'stvo i obŝestvo v ih otnošeniâh k vnešnej torgovle Rossii v carstvovanie imperatricy Ekateriny II. Očerki iz istorii torgovoj politiki, Kazan', 1902.

Gidion M. Sankt-Peterburg kak vnešnetorgovyj centr v 1725–1763 gg. M., 2008.

[49] *Ransel D.* Russian Merchants: Citizinship and Identity // Eighteenth-Century Russia: Society, Culture, Economy. Papers from the VII International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Wittenberg 2004 / Ed. by Roger Bartlett and Gabriela Lehmann-Carli. Münster: LIT-Verlag, 2007. P. 417–428.

[50] Цит. по: Memoire sur le commerce de Russie (1761) // Кулишер И. Указ. соч. С. 243.

[51] *Etkind A.* Op. cit. P. 251.

[52] *Кагарлицкий Б.* Периферийная Империя. Россия и миросистема. М., 2003. С. 259.

Hoffmann P. Sankt Petersburg. Stadt und Hafen im 18. Jahrhundert. Berlin, 2003.

Jones R. Bread upon the Waters. The St. Petersburg Grain Trade and the Russian Economy, 1703–1811. Pittsburgh, 2013.

Kagarliskij V. Periferijnaâ Imperiâ. Rossiâ i mirosistema. M., 2003.

Kahan A. The plow, the hammer, and the knout. An economic history of eighteenth-century Russia. Chicago, 1985.

Kaplan H. Russian Overseas Commerce with Great Britain during the Reign of Catherine the Second. Philadelphia, 1995.

Kozlova N. Rossijskij Absolûtizm i kupečestvo v XVIII veke. M., 1999.

Kulišer I. Očerk istorii russkoj torgovli. SPb., 1923.

Leckey C. Patrons of Enlightenment. The Free Economic Society in Eighteenth-Century Russia. Newark, 2011.

Nekrasov G. Vnešnââ torgovlâ Rossii čerez Revel'skij port v 1721–1756 gg. M., 1984.

Petrov O. Stanovlenie tamožennoj politiki Rossii. SPb., 2003.

Pokrovskij S. Vnešnââ torgovlâ i vnešnââ torgovaâ politika Rossii. M., 1947.

Puzyrev V. Pod flagom Rossii. Istoriâ zaroždeniâ i razvitiâ morskogo torgovogo flota. M., 1995.

Repin N. Vnešnââ torgovlâ i social'no-èkonomičeskoe razvitie Rossii v XVIII v. Omsk, 1989.

Šejnin L. Peterburg i rossijskij merkantilizm. Èpoha Petra I. M., 1997.

Zarahov V. Zapadnoevropejskie kupcy v rossijskoj torgovle XVIII veka. M., 2005.

Список литературы

Гидион М. Санкт-Петербург как внешнеторговый центр в 1725–1763 гг. М., 2008.

Зарахов В. Западноевропейские купцы в российской торговле XVIII века. М., 2005.

Кагарлиский В. Периферийная Империя. Россия и миросистема. М., 2003.

Козлова Н. Российский Абсолютизм и купечество в XVIII веке. М., 1999.

Кулишер И. Очерк истории русской торговли. Пг., 1923.

Некрасов Г. Внешняя торговля России через Ревельский порт в 1721–1756 гг. М., 1984.

Петров О. Становление таможенной политики России. СПб., 2003.

Покровский С. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947.

Пузырев В. Под флагом России. История зарождения и развития морского торгового флота. М., 1995.

Репин Н. Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVIII в. Омск, 1989.

Фирсов Н. Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле России в Царствование императрицы Екатерины II. Очерки из истории торговой политики. Казань, 1902.

Шейнин Л. Петербург и российский меркантилизм. Эпоха Петра I. М., 1997.

Eighteenth-Century Russia: Society, Culture, Economy. Papers from the VII International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia, Wittenberg 2004 / Ed. by Roger Bartlett and Gabriela Lehmann-Carli. Münster: LIT-Verlag, 2007.

Hoffmann P. Sankt Petersburg. Stadt und Hafen im 18. Jahrhundert. Berlin, 2003.

Jones R. Bread upon the Waters. The St. Petersburg Grain Trade and the Russian Economy, 1703–1811. Pittsburgh, 2013.

Kahan A. The plow, the hammer, and the knout. An economic history of eighteenth-century Russia. Chicago, 1985.

Kaplan H. Russian Overseas Commerce with Great Britain during the Reign of Catherine the Second. Philadelphia, 1995.